

ПУБЛИКАЦИИ

В.В. Верещагин **Русская деревня**

Перевод с английского Е.В. Ким

Очерк В.В. Верещагина “Русская деревня” был опубликован в переводе на английский язык в 1889 г. в февральском номере выходившего в Нью-Йорке популярного журнала “Harper’s New Monthly Magazine” (Р. 374–381). Написанный специально для американского читателя, он посвящен пребыванию художника летом 1888 г. в селе Богослов на Ишне Ростовского уезда Ярославской губернии. История его создания изложена нами в статье: Ким Е.В. Англоязычный очерк В.В.Верещагина “A Russian Village” (“Русская деревня”) // ИКРЗ-2010. Ростов, 2011. Местонахождение русского оригинала текста неизвестно, чем и обусловлена подготовка публикации в обратном переводе с английского на русский язык этого литературного произведения художника, представляющего интерес для истории Ростовской земли и ее культуры. Несколько примечаний, сделанных нами к тексту перевода, обозначены цифрами, постраничные примечания В.В. Верещагина, как и в англоязычной журнальной версии, — знаком.*

Прошлым летом я провел несколько недель в деревне — небольшом селении примерно из четырнадцати или пятнадцати домов, сторевшем около года тому назад и отстроенном заново.

Сразу же за деревенскими овинами¹ проходит железная дорога Москва-Ярославль, также как и шоссе; последнее хорошо содержится и обсажено четырьмя рядами берез.

Главное украшение деревни — старая деревянная церковь в честь Святого Иоанна Крестителя². Ей также угрожал огонь во время пожара, но она была спасена совместными усилиями всех крестьян. Эта церковь построена во второй половине семнадцатого века, во время царствования царя Алексея Михайловича³. Она очень оригинальна и интересна как снаружи, так и внутри. Некоторое время тому назад она чуть не упала в одну сторону, чему не следует удивляться, поскольку ее основа узкая, как киль лодки. К счастью, однако, церковный староста, умный мужик, не колеблясь, потратил свои деньги, чтобы сохранить церковь. Он вмешался

вовремя, поставил церковь на каменный фундамент и вертикальные кирпичные опорные стойки, и теперь здание простоит еще двести лет.

Правда, что новый фундамент несколько приподнял церковь, что побеленные кирпичные опоры неприглядны и железные листы, покрывающие крышу и купол, совершенно неуместны и решительно хуже древнего лемеха⁴, который они заменили. Но мы должны быть благодарны за то, что этот памятник семнадцатого века не был обезличен, что другое здание не поднялось на его месте — одно из тех подражаний римской архитектуре, с портиками, коринфскими колоннами и тому подобными нелепостями, теперь столь дорогими сердцу русского духовенства и знатных лиц. Все восстановления и обновления в церкви, кроме того, увидеть очень просто, так что будет легко восстановить ее первоначальную оригинальную форму.

Своеобразный дух древности окружает храм. Прежде всего, это старуха, жена церковного старосты, которая довольно примитивным крючком начинает вертеть в отверстии во входной двери; женщина или подслеповата, или механизм неисправен, сказать не могу. Так она вертит и вертит, долго и упорно, пока запор не сдвигается, потом отпирает замок и, ворча, неизвестно на кого или на что, предлагает подняться по лестнице. Эта лестница ведет не к тем восхитительным портикам, что в каменных церквях Ярославля расписаны орнаментом, но в деревянную галерею, прилегающую к зданию с северной и западной сторон. Она предназначена для тех людей, которые пришли на службу слишком рано и здесь могут подождать; также те, кто устал или почувствовал себя плохо в церкви, могут выйти и отдохнуть здесь, к тому же, как местные крестьяне, так и странники и паломники, собираются тут для беседы после окончания службы. Вдоль галереи множество подымающихся окон, которые делают это место очень свежим и прохладным летом, словом, это один из примеров того деликатного внимания, с которым прежние строители относились к верующим — внимания, ныне вышедшего из моды.

Как образец такой древней постройки можно назвать, например, крытую галерею каменной церкви Иоанна Предтечи в Ярославле. Эта галерея окружает церковь с трех сторон, везде вдоль арочных окон расположены скамьи с расписными деталями; своды, а также стены расписаны поучительными сценами из Ветхого и Нового Завета и сопровождаются соответствующими надписями. Все эти скамейки заняты задолго до начала служб в канун больших праздников, на праздник же святого покровителя церкви галерея битком набита верующими, приехавшими издалека. Эти люди проводят здесь даже ночь, спя на коврах и ковриках, предоставленных церковью. Некоторые из них прошли в канун праздника расстояние, скажем, в пятьдесят верст* вместе со стариками, и принесли сюда своих детей, их главная забота — не пропустить утрени. Удобно ли этим людям останавливаться на постоялом дворе, вставать почти в полночь, мешая другим, и подвергая себя неудобствам? Здесь, на галерее они дремлют

* Около 33 миль.

на циновках, постеленных на полу, а затем встают вовремя для участия в богослужении. Теперь если кто-либо попытается войти в современную церковь вне часов ее работы, будь то даже в штормовую погоду, он, безусловно, будет выставлен без церемоний.

Но вернемся в деревенскую церковь. Дверь, в нее ведущая, замечательной формы, похожая на киоты икон, увенчана византийской стрельчатой аркой, которая состоит из желтой гирлянды в рельефе на зеленом фоне. Дверь сама также выкрашена в зеленый цвет, с огромным замком восхитительной формы, прибитым на красную кожу. Огромный ключ повертывается в замке три раза, издавая каждый раз звук, сопровождающийся брызжанием старухи.

Казалось бы, теперь можно войти внутрь, но нет, есть еще один большой висячий замок, повешенный из предосторожности. Потолок церкви, как видно при входе, достаточно древний и имеет вид стрельчатого свода⁵. Стены также избежали поновления. *Иконостас*, который отделяет алтарь от основной церкви, — не те простые полки с образами, которые мы находим еще во многих старых деревянных церквях на севере России; но все же довольно прост: он состоит из четырех рядов икон, соединенных узкими, причудливо расписанными тяблами.

Некоторые иконы здесь достаточно мастерски выполнены, поэтому жаль, что они почти полностью покрыты пожертвованными золотыми тканями, шелком, бисером, фальшивыми камнями, и тому подобным вздором, что не обогащает церкви, а лишь скрывает изображения Христа, Богородицы и святых. Впечатление от *иконостаса*, которое создается этими приношениями, как от головокружительной выставки многоцветных кусков товаров, затраченных на иконы в соответствии с известной заповедью «На тебе, Боже, что мне не гоже». Абсурдность украшать святые образа таким путем наглядно иллюстрируется Распятием, которое установлено по правую руку от клироса. Распятие большое — почти в натуральную величину — и один из ревностных строителей церковного великолепия покрыл тело золотой тканью от пояса до пят, так что теперь Распятый висит буквально в юбке. Кроме того, от излишнего усердия со стороны старосты, лак на образах слишком обилен.

«Довольно хорошие иконы здесь, бабушка, содержите их в порядке», — сказал я старушке. «Я это знаю, я это знаю, кормилец», — ответила она. «До тебя здесь были другие — старообрядцы. Они предлагали мне тысячу за каждую из этих двух икон, если я только отдам их. «Но где же взять кошелек, чтобы держать так много денег?» — ответила я.

За правым клиросом расположено настоятельское место, церковь прежде принадлежала монастырю. Весьма вероятно, что поэтому до сих пор на службе мужчины занимают одну сторону церкви, а женщины — другую.

Надо сказать, однако, что богослужения здесь проводятся очень редко — не более чем несколько раз в году — в церкви нет своего священника, она приписана к соседнему приходу.

«Если бы он только пришел и послужил немного для нас сейчас и потом, наш отец Николай», — жалуется старушка на священника. «Но нет, он не будет служить для нас, не будет. Что будешь с ним делать? В общем, он не служит здесь даже десяти раз в год, вот такой он священник». Но сразу после этой жалобы в прямое ей противоречие, бабуся заявила, что это «ничего, от служб здесь только денежный ущерб, потому что деревенские мужики больше склонны ходить в церковь в город, где с церквями бок о бок пивные, а с одних женщин какой доход?... Смотрите: для службы должен быть уголь, а также ладан, красное вино для причастия... Ну, как тут сведешь концы с концами... Так и служите, если можете!» Этим «вином для причастия» старик-староста угощал меня однажды: я нашел его безупречным.

Староста, Петр Михайлович, старик семидесяти восьми лет, был недавно при смерти. По приезде я застал его принимающим какую-то невинную микстуру, какую обычно назначают врачи для того, чтобы уважить пациента или для успокоения своей собственной совести. Следуя моему совету, старуха приготовила мужу горячий отвар из сушеной малины, укрыла его хорошо, он пропотел, его тщательно растерли, и старик почувствовал себя намного лучше после этого лечения, так что вскоре он ходил, как обычно, и ни на что не жаловался, кроме глухоты и иногда — головной боли.

Однако не так давно старик решил, что он хочет попариться в бане, ничто его в этом не разубедило и он исполнил свое намерение. С большим трудом он унес оттуда ноги. Я пошел к нему, как только услышал, что он был доставлен из бани полумертвым. «Послушай, дедушка», сказал я ему, «зачем же тебе было париться еще до полного выздоровления?»

«Что же делать? не выдержал, я должен был глотнуть пару», — бормотал старик.

«Ну, есть многие вещи, которые тебе хотелось бы... Вот гляди, ноги твои не несут тебя».

«Не смог удержаться; долгое время у меня было это на душе, и теперь я это сделал», — отвечал дед своим слабым, прерывающимся голосом.

Временами я отправлял старику небольшое количество донского вина, и он наслаждался им так, что однажды, под его влиянием, он ловко выехал на телеге на скошенный луг. «Мы здесь!.. Хорошее твое вино, — сказал он мне, — но и цена должна быть хорошая».

Петр Михайлович не из бедных крестьян. Он был вполне обеспеченным перед первым пожаром около пятнадцати лет назад и бывал каждый год в Петербурге, где его дети вели собственное дело.

Петр Михайлович не в ладах со своим священником и никогда не упускает возможности упрекнуть отца Николая в жадности, и тот, также очень порядочный человек, со своей стороны отвечает, называя старосту человеком придирчивым и обвиняя его в присвоении семисот рублей (около \$ 350), проценты с которых ранее шли местному духовенству.

«Вы знаете, в консистории у него все смазано, он мастер в этих делах, этот Петр Михайлович, так он получил деньги и отдалился от нас, и такой хороший кусок денег был! Я один обычно получал восемь рублей [четыре доллара] в год свою часть, не пустячная сумма, учитывая наше состояние!»...

Я видел этого священника, когда он ходил по домам крестьян, собирая сметану и яйца, в последний день поста*, предшествующий дню Св. Петра и Св. Павла.

Я сначала не мог понять, что он делает. Одетый в старую рясу, белый подрясник ясно виднелся под ней, старик нес ведро в одной руке и деревянную чашу в другой; переходя от дома к дому, он стучал в дверь каждого из них, и заглядывал в окна. Сначала я подумал, что он задержался очень поздно и просит место для ночлега. Но нет, после тщетного стука в один крестьянский дом, он перешел в другой, а затем еще в третий. Наконец, женщины понесли ничтожные пожертвования, начали выходить из дворов, некоторые жестикулировали, казалось, пытаясь объяснить, почему эти жертвования были настолько малы; некоторые целовали священнику руку, другие просто кланялись ему и выливали сметану в его ведро, положив пару яиц в миску. Священник ни разу не потерял терпения, и те крестьяне, которые не ответили на его вызов при первом стуке, принесли свои жертвования на его обратном пути. Вместо сметаны я послал ему рубль денег, и добрый человек опустил ведро, и, сняв шапку, трижды перекрестился на церковь.

Отец Николай не жалуется на крестьян, он заметил мне, что они сильно отягощены нищетой. «И то правда, что немало денег тратится ими на напитки», — говорил он. «Но не считая праздников, дней, когда они могут потратить слишком много, можно только догадываться, как они потом живут. Бедные, очень бедные наши крестьяне».

Не будет большой ошибкой объяснить эту бедность всеобщим пьянством, которое в этой деревне столь же крепко укоренено и основательно практикуется, как и в других местах России.

Народ здесь, в основном, выращивает овощи; очень мало сеет зерна; что же касается картофеля, гороха и цикория, то они высаживаются в большом количестве. Это село только в трех верстах от города Ростова, и по всей окрестности цикорий называется ростовским кофе, а продавцы этот продукт называют «царь-цикорий»⁶.

Труд в этой местности еще более тяжелый, чем уборка зерновых в других местах. Здесь урожай гороха и сенокос приходится на одно и то же время. Эти края славятся своим горохом. Он должен быть не только собран, но и очищен, и все это должно быть сделано своевременно, потому что за мелкий сладкий горошек выручают от сорока до пятидесяти копеек** за

* Греческая церковь запрещает потребление во время поста молока и яиц, равно как и мяса.

** Копейка — половина цента.

фунт, в то время как цены зрелого гороха ничтожные — от пяти до десяти копеек.

В год моего визита торговцы сначала платили за фунт сорок три копейки для лучшего сорта гороха, а позже они стали давать сорок и тридцать восемь копеек за фунт, а если судить по примеру предыдущих лет, когда весь горох поспевает, цены падают до двадцати пяти копеек за фунт. Тогда крестьяне бывают рады продать даже за эти небольшие цены, так как все дело покупки гороха и отправки его в Москву находится в руках нескольких человек, которые, как правило, договариваются между собой не платить больше определенной цены; и как крестьянка ни пытается получить лучшую цену, не важно, к скольким покупателям она бы не обращалась, она нигде не получит ни копейки больше за свой горох, чем диктуют торговцы.

Если бы крестьяне смогли прийти к взаимопониманию между собой — согласиться работать вместе, чтобы объединиться в уборке урожая, а также в продаже — они наверняка заставили бы торговцев платить им более высокие цены. К несчастью, однако, когда речь идет о селянах, о каком-либо согласии не может быть и речи; они обязательно ссорятся из-за работы, а затем и вовсе ее бросают. Таким образом, получается, что при продаже товара в Москве, скажем, на восемьдесят копеек, можно получить от перекупщиков половину цены, и это лишь в нескольких часах езды от столицы.

Ссоры распространены не только между различными домашними хозяйствами, но даже среди семей, проживающих под одной крышей. Сейчас в нашем доме, к примеру, бабушка — энергичная и по-прежнему полная жизни семидесятипятилетняя женщина — на стороне одной из своих невесток против другой, и они зашли так далеко, что в конце концов, ничего не поделаешь, они вынуждены были разделить все свое имущество, и даже железный лист, служащий для сушки гороха, был разрезан надвое — испорчен нарочно, так что он не мог больше служить для своей цели. Если одна из ссорящихся сторон пережжет свой горох, ее противники рады; если сдохнет теленок, принадлежащий одному, другие радуются, говорят: «Вижу теперь, как Бог наказывает его!» Но в то же время все они, действительно, хорошие и очень внимательные люди.

Существует немало работы при готовке гороха; сначала его ошпаривают кипятком, а затем сушат три раза — и здесь требуется большое внимание, чтобы горох не пожелтел и не потерял свой зеленый цвет. Если он пожелтеет, то немедленно опустится в цене.

По вечерам все садятся перед избами и приступают к работе по лущению гороха, с помощью пары нанятых женщин-помощниц, которые все время поют. Мужчины обычно собираются вместе и занимаются той же работой по лущению гороха у дома управляющего имением, на этот случай подается водка, чтобы сплотить их на работу, наверное. Результатом этого, однако, является часто то, что бабы поют, молодые люди шутят и

смеются, их прерывают шум и крики полупьяных мужиков; но дело требует напряженной работы, и надо унять тех, кто больше всех шумит, и при этом не всегда можно предотвратить случайный удар по чьему-либо лицу.

Как правило, все усердно работают, за исключением детей, которые едят горох непрерывно: если ребенку случается встретить большой стручок, содержащий дюжину горошин и более, он говорит: «Какой большой стручок! Я должен его съесть». Потом, раскрыв стручок с двумя или тремя горошинами, он говорит: «Это маленький стручок; конечно, он должен быть уничтожен». Может, попадется пухлый стручок, а затем плоский — и каждый в свою очередь находит свой путь в рот ребенка. Много шуток в их кругу, главным образом, с бабушкой, которая, между прочим, обычно говорит: «Сколько земли человеку ни дай, он от этого не станет богатым, но только горбатым».

Хотя люди рано встают, они ложатся спать довольно поздно. Работа прекращается только в сумерки — как правило, когда пастух прогонит лошадей на пастбище в ночное. Эта последняя задача отнюдь не легкая; стоит пастуху разок вздремнуть, немного ослабить внимание и разрешить лошадям свернуть с дороги*, и посмотри! Не успеешь оглянуться, они, будьте уверены, окажутся на поле. Однажды ночью, как говорили, было потравлено много пшеницы. Конечно, владельцы поврежденных полей принесли жалобу. Как сделать, чтобы заплатить им? Это предмет для обсуждения всем «миром».

Среди лошадей есть один пятнистый желто-белый конь — довольно резвое животное. С того времени, когда эта лошадь была куплена, она никому не позволяла управлять собой; единственный способ оседлать ее было загнать в глубокую воду, но как только она ступит на твердую землю снова, лошадь, можно быть уверенным, сбросит всадника и ударит его. В дальнейшем, однако, было установлено, что мать одного молодого верхового знала, как управиться с этой лошадью. В ее руки животное сдалось добровольно. Когда старуха поймала лошадь, — мы это видели своими глазами, — она гладила ее, ласкала ее долгое время, даже разговаривала с ней. Разве не этом, в конце концов, заключался секрет ее укрощения?

Лето в том году, в первой его половине оказалось очень дождливым. Крестьяне, которые собирались косить сено, также как и я, с моими этюдами, требующими солнечного света — все мы с тревогой ожидали каждый начинающийся день. Обычно я старался угадать погоду по тому, как садится солнце, и как располагаются облака, и иногда мои догадки было неверными. Крестьянские женщины нашего дома, вообще, догадывались правильно, глядя на то, какая корова будет идти впереди, когда стадо погонят вечером домой; если красная корова идет впереди других, можно было ожидать прекрасный день; идет впереди темная корова, на следующий день вряд ли окажется ясно. Поскольку нет общепринятых примет без каких-либо разумных оснований, нужно думать, что это под-

* Поля в России не огорожены.

креплено некоторыми скрытыми причинами. Вполне возможно, что впечатление, способность, нервозность и оживление движения коровы должно в какой-то степени регулироваться ее цветом, который, в странах с совершенствующимися методами животноводства, всегда приспособливается к климату и общим условиям почвы. Так, путешествуя по Голландии, мы не видим в этом сыром и туманном климате, никаких других, кроме черно-белых коров.

Я жил с женой в просторном доме, где поначалу нас несколько раздражали паразиты, но с помощью порошка персидской ромашки скоро мы избавились от неудобств, что же касается других неизбежных товарищепостояльцев в деревенском доме, комаров, мы привыкли к ним: они никого не кусали. Касательно остального, мы жили вполне хорошо и комфортно, и дочь одной из хозяек дома прислуживала нам с таким рвением и таким тщательным вниманием, что подобное, действительно, редко можно встретить в наше время и в городских условиях.

Провизию — немного запасов, хотя и не так мало, как обычно в сельской местности, мы покупали в Ростове, но рыбу могли получать на месте. В нашей реке Ишне налимы ловятся так же хорошо, как караси и раки, последние попадают в ловушки, установленные для них, или в обычные корзины, в то же время налимов и карасей, если не добывали тем же способом, то били острой, или просто ловили руками. «Главное, чтобы сделать это, надо взять хорошим захватом налима или карася за голову», — говорил Александр, наш работник, а также наш главный рыбак, обыкновенно отвечая на мои расспросы о том, как это он успешно ловит такую подвижную рыбу руками. Тем не менее, мне до сих пор не ясно, что такое «взять хорошим захватом» налима, карася за голову, мне это напоминает пресловутое «насыпать соли на хвост» при ловле птиц⁷.

Рыба и раки были вкусные и вовсе не дорогие, так, например, за двадцать копеек мы получали несколько налимов и карасей, один из которых, если положить на весы, говорят, весил два или три фунта; крупного рака можно получить по две копейки за штуку. Что касается молока, то не было его дешевле и лучше, и мы использовали его во всех видах приготовления, миска молока, содержащая пару кварт, стоила пять копеек. Связь с городом была несколько хлопотной, поскольку был только один извозчик, и хотя он жил по соседству с нами, но любил создавать трудности, так что мы обычно вынуждены были отправлять мальчика за извозчиком в город, и это было очень приятно для подростков, которые за десять копеек отправлялись с поручением, бегая и прыгая.

Наш дом был одним из немногих, который не сгорел во время пожара, и, скорее всего, его спасли тенистые ветлы, которые растут вокруг него. Это был один из многих случаев, когда была налицо польза от деревьев, но крестьяне все еще очень неохотно заботятся о деревьях, даже если они сажают их, то не поливают и не ухаживают за ними, и поэтому деревья погибают.

Пожар произошел ночью, и, как обычно, от ничтожной причины. Пьяный мужик, закуривая трубку, поджег свой дом и всю деревню. Возможно, что крестьянин чувствовал свою вину очень остро, по крайней мере, он исчез из деревни сразу после пожара, продолжал зарабатывать себе на жизнь в других местах, и его не видели здесь целый год, хотя он по-прежнему посылает денежные переводы в поддержку своей жене и детям. Интересно отметить, что в тот самый день этот крестьянин, как и другие, помогал тушить пожар в соседней деревне. Вместе с другими он напился там вина, которым их отблагодарили за помощь, и, спасая соседей, этот мужик пришел домой и поджег свою родную деревню.

Как уже отмечалось, в этом же селе около 15 лет назад был другой пожар, и тогда крестьяне потеряли еще больше, чем в последний раз. Каждое лето и осень красный петух (как они называют пожары) охватывает безудержно всю северную часть России, и поэтому крестьянину они так привычны, что, заметив дым или отражения огня на расстоянии, он только почесывается и говорит: «Так-то вот! пожары всегда были».

Как я уже упоминал, что прямо за деревней проходит железная дорога, и свадьба железнодорожного сторожа, которая состоялась летом этого года, была действительно событием для всей деревни. И сколько слухов породило это происшествие! Сначала все были в волнении, потому что свадьба должна была состояться в церкви Св. Иоанна; затем священник прихода невесты, как все говорили, отказался выполнить некоторые формальности, чтобы такой хороший доход не выскользнул из его рук, и в конце концов, молодые люди вынуждены были венчаться в церкви этого священника. Опять произошло нечто, что дало повод для сплетен. Жених, хороший работник, получающий жалование двадцать рублей ежемесячно, имел дефект на один глаз, веко которого создавало такую непривлекательную внешность, что молодой человек постоянно носил темные очки. Оказалось, что невеста обнаружила дефект ее супруга только на следующий день после вступления в брак и имела глупость жаловаться на это своим подругам. Как люди смеялись тогда над запоздалой разборчивостью невесты! Не было дома, в котором не смеялись бы над ее разочарованием, и о нем не судачили. Наша бабуся, например, за лущением гороха, однажды разразилась такой острой и смешной шуткой о брезгливой невесте, что мы не могли удержаться от смеха.

Недалеко от железной дороги проходит шоссе, которое сворачивает здесь к Переславлю-Залесскому — это место не охвачено железной дорогой. Жаль, что березы, граничащие с дорогой, так запущены. Никто даже не думает о замене погибшего дерева другим, так что пустые места достигают иногда от шести до двенадцати сотен шагов вдоль дороги. Большое количество людей всякого рода движутся по этой дороге; немало из них паломников обоого пола, которые используют эту дорогу, идя на север и возвращаясь, поскольку они отправляются в Соловецкий монастырь. Именно в этом месте люди сворачивают в сторону, когда собираются посетить святые места Ростова.

Я сам любил это шоссе в первую очередь за то, что под березами здесь я обычно собирал грибы, а моя жена готовила из них вкусный суп. Летом этого года можно было найти не так много грибов, так как земля во всех соседних небольших перелесках была сплошь залита водой. Ягоды также были не очень обильны. Цены на продовольственные товары были не высоки для нас, но они не были ниже, чем в других местах страны. Например, мы должны были заплатить от тридцати до сорока копеек за птицу; говядина стоила десять копеек и рыба четыре копейки за фунт. Конечно, цены были бы ниже, если бы не железная дорога, которая поглощает все местные продукты и переносит их в такие крупные центры потребления, как соседний город Ярославль, и несколько более далекая Москва.

Вся работа в поле производится сообща деревенским «миром», и по таким случаям происходит множество споров и даже ссор. Скажем, наступает время сенокоса. Накануне того дня, когда должна начаться работа, управляющий созывает народ, дуя в горн, и все крестьяне вечером собираются у его дома. Здесь они держат совет, на котором ведут переговоры и приходят к соглашению: в каком месте начинать, где каждый человек должен работать и все тому подобное. Тем не менее, когда наступает утро, снова множество споров о том, где каждый должен становиться, и где начать косить. Но как только начинается работа, все успокаиваются, и сердце радуется, как не только мужчины, но женщины и девочки размахивают косами. Иногда можно заметить некоего исключительно ловкого косца, который, опередив всех своих товарищей, станет, ухмыляясь и шутя по поводу отстающих, или прохожий остановится, чтобы посмотреть на них.

В деревне нет школы, и дети обычно ходили в школу в соседнее село; но эта школа также была закрыта, так что теперь нет места, где дети могут обучаться. Довольно много неграмотных среди взрослых, в основном среди женщин, и, следовательно, существуют суеверия, большая вера в приметы и талисманы. В одном случае, например, ласточки влетели в нашу входную дверь, и начали биться о стены и потолок, пытаясь найти выход; увидев это, наши девушки затрепетали, так велика была их уверенность в том, что надвигалась беда. Что касается покровителя церкви Иоанна Крестителя, народ считает его настоящим отцом грома, и едва гроза приближается, все обращаются к нему с молитвами, чтобы предотвратить молнии, чтобы умиловить его гнев, и от имени людей повлиять на его добрую волю⁸. С первых раскатов грома наши домохозяйки спешат на свет лампы перед иконами, с тем, чтобы умиротворить Бога и ходатайствовать перед святыми.

Каких только проделок не совершают с нашими людьми! Каких приемов не придумывают, чтобы напугать их! Наша хозяйка рассказала нам однажды, как она и ее дочь были напуганы проходившей мимо цыганкой. «Она подошла к нам и начала приставать к нам, поскольку мы сидели перед своим домом. «Я могу все сделать с вами», — говорит она. «Я могу сделать вас счастливыми или несчастными. Я могу сейчас же могу вызвать огонь

с небес на вас. Я могу холодную воду вскипятить моим приказом... Вы не верите мне? Ну, дайте мне стакан воды, я покажу вам», — говорит она. Ну, мы дали ей стакан воды, и она начал дуть на него и бормотать над ним, а потом, мы замечаем, она берет что-то пальцами из кармана и бросает в воду, и в тот самый момент вода достигает кипения и кипит!.. Мы видели это своими глазами, так что говорим вам правду. Цыганка приказала вылить воду: «Иначе, — говорит она, — это может поджечь дом». «Ну, — спросила она потом, — не могла бы я дать ей какое-нибудь платье, и поэтому я дала ей мой старый сарафан, и Саша дала ей платок на голову. Я дала ей около двадцати копеек. Но, поверите ли? Это ее не удовлетворило». «Дайте мне 60 копеек», — говорит она, — иначе тяжелая беда постигнет тебя. Я сильно пошатнулась потеряла голову тогда; не знаю, что делать с ней, и послала Сашу к бабушке, надеясь, что другие нам помогут. Бабушка пришла и, конечно, она сразу выгнала цыганку. И как тогда рассвирепела цыганка! «Вы вспомните меня», — сказала она. «Вы сейчас не дали мне мелочи, еще придет время, когда вы будете готовы отказаться от многого, но это будет слишком поздно».

Даже рассказывая нам об этом инциденте, наша достойная хозяйка, по-видимому, еще была под влиянием угроз цыганки, и боялась мести с ее стороны. Но когда мы опустили немного порошка Sedlitz в воду в ее присутствии, в результате чего вода вскипает, только тогда, и не раньше, она поверила в наши уверения, что цыганка сыграла с ней злую шутку, и что страшное несчастье ее не постигнет в результате ее отказа отдать шестьдесят копеек.

**

- ¹ В английском переводе «corn-kilns» — зерносушилками
- ² Ошибка переводчика очерка на английский язык — церковь посвящена апостолу Иоанну Богослову.
- ³ Ошибка В.В. Верещагина — церковь построена в 1687 году; царь Алексей Михайлович скончался одиннадцатью годами ранее, в январе 1676 года.
- ⁴ В английском переводе «the ancient wooden tiles» — древних деревянных плиток.
- ⁵ Верещагин имеет в виду потолок, совершенно плоский, но со своеобразным набором досок, дающим имитацию объемной стрельчатой формы — прием, применявшийся при устройстве потолков западноевропейских палат. О нем см.: Кузнецов И.Н., Новохатко О.В. Великий Ростов. XVII век: Утопия. М.: Памятники исторической мысли, 2010. С. 43. Ил. на с. 54-55.
- ⁶ В английском тексте — «chicory kings».
- ⁷ «Насыпь соли на хвост» (говорят при неудаче). Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1956. С. 546.
- ⁸ Подобное почитание целиком связано с культом Иоанна Богослова, названного в Евангелии «Воанергес» — «сын громов» (Мр. 3: 17), и не имеет никакого отношения к Иоанну Крестителю. Об ошибке переводчика в названии церкви см. прим. 2 к настоящей публикации.